

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ИТ-ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена криминологическому изучению количественных и качественных изменений преступного насилия в современной России с учетом официальных статистических данных Главного информационно-аналитического центра МВД России за период с 2012 по 2018 г. и современных процессов развития общества. В ней рассматриваются состояние и динамика преступлений против личности, в том числе их наиболее опасных видов (убийство, умышленный тяжкий вред здоровью человека и изнасилование) как основы насильственной преступности. Из них определяется круг деяний, которые могут быть совершены с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, и оцениваются перспективы совершения насильственных преступлений дистанционным способом. Выявляются связанные с этим новые тенденции компьютеризации, омоложения, интеллектуализации и высокого естественного уровня латентности, которые ранее не были характерны для насильственной преступности. В качестве методологической основы исследования применяются основополагающие законы материалистической диалектики и теории познания, общенаучный философский подход к изучению социальных явлений, а также логический, исторический, системно-структурный и статистический, а также конкретно-социологические методы исследования: анализ документов и наблюдение. В заключение обосновывается вывод о неусыпаемой актуальности изучения преступного насилия, обусловленной неидеальной и противоречивой природой человека. Представляется перспективным развитие и применение в юридической науке идей современной отечественной философии о необходимости анализа результатов прогресса, контроля над его протеканием и последствиями внедрения высоких технологий. В целях разрешения актуальных теоретических и практических вопросов противодействия «новой» насильственной преступности предлагается интегративный подход к определению методологии криминологических исследований, заключающийся в разработке имеющихся проблем на стыке уже устоявшейся вайленсиологии и вытекающей в настоящее время из философии криминологической киберологии.

Ключевые слова: преступления против личности, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, совершение преступлений дистанционно, криминология, вайленсиология, криминологическая киберология.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.077-084

В текущий век борьбы с коррупцией, экономического кризиса, обострения внешне- и внутриполитических и иных злободневных вопро-

сов кажется, что насильственная преступность не представляет былой угрозы, а ее опасность воспринимается как нечто эфемерное.

© Артюшина О. В., 2019

* Артюшина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России (КЮИ МВД России)
ovart2012@mail.ru
420108, Россия, г. Казань, ул. Магистральная, д. 35

Однако анализ качественных изменений насильственной преступности позволяет сделать обратные выводы. Современные тенденции ее развития свидетельствуют о новых чертах, в разы усиливающих распространенность и общественную опасность ее отдельных проявлений.

При этом исследование действительных процессов эволюции преступного насилия представляет интерес не только для криминологической теории и практики противодействия преступности, но и для уголовной политики в целом, поскольку криминологические знания являются основой для ее интеллектуального обеспечения.

Насилие и его крайние формы проявления всегда привлекают внимание ученых. Теоретическим основам изучения насильственной преступности посвящены труды Ю. М. Антонына, Я. И. Гилянского, Л. В. Сердюка и других авторов.

В последние годы криминологическому изучению этой проблемы уделялось мало внимания. Специалистами проводились отдельные исследования, однако они не затрагивали эволюцию развития насильственной преступности в целом как элемента социальной системы. Несмотря на предпринимаемые попытки, так и остались не выявленными новые тенденции ее развития, связанные с научно-техническим этапом развития современного общества. Очевидно, что это связано с тем, что в российской исследовательской литературе (в отличие от зарубежной) преобладают исследования, в большей степени ориентированные на количественную методологию.

В отечественной криминологии насильственную преступность принято отождествлять с системой преступлений против личности, а среди них прежде всего с ее наиболее тяжкими проявлениями — деяниями, ответственность за которые установлена в ст. 105—108, 111 и 131 УК РФ. По этому критерию в ежегодных статистических сборниках о характеристике преступности в России предоставляются и официальные данные.

Следует признать, что такое определение весьма условно, поскольку не менее насильственными могут быть и другие преступления, расположенные в иных не только главах, но и разделах УК РФ, например террористический акт (ст. 205), акт международного терроризма (ст. 361), диверсия (ст. 281) и различные виды посягательств на жизнь потерпевшего, обладающего специальными признаками: государ-

ственного или общественного деятеля (ст. 277); лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295) или пользующегося международной защитой (ст. 360); сотрудника правоохранительного органа (ст. 317) и т.д.

При этом, несмотря на всю дискуссионность выбора круга насильственных преступлений, трудно согласиться с изложенным в литературе подходом к отнесению грабежа к группе насильственных преступлений. Несмотря на то что это практикуется в некоторых зарубежных государствах, по действующему отечественному уголовному законодательству среди семи видов этого преступления, предусмотренных разными пунктами и частями ст. 161 УК РФ (включая основной, квалифицированные и особо квалифицированные составы), есть только один, связанный с применением насилия, и то — неопасного для жизни и здоровья, то есть фактически не выраженного в достаточной мере. Думается, что грабеж все-таки является классическим примером корыстной, а не насильственной преступности.

Опубликованные статистические данные о числе зарегистрированных за последние годы преступлений против личности, прежде всего убийств, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью человека и изнасилований, «раду-ют глаз» исследователя (см. таблицу). Состояние преступлений против личности фактически год от года снижается, динамика характеризуется относительно стабильным увеличением темпов снижения.

Анализ качественных изменений насильственной преступности, напротив, свидетельствует об ухудшении криминальной ситуации. Прежде всего это связано с научно-техническим развитием человеческого общества в целом и российского в частности. Развитие глобального информационного общества оказывает значительное влияние на будущее, в том числе на увеличение технологического и промышленного потенциала страны, на решение стоящих перед ней экономических и социальных задач, на укрепление ее обороноспособности и национальной безопасности. В связи с этим научно-технологическое развитие признано одним из основных направлений стратегического планирования развития России до 2030 г.

Успехи в этом направлении раздвигают пределы возможностей человека от освоения космоса до внедрения в повседневную жизнь бионических существ, генетически модифи-

**Состояние и динамика преступлений против личности в Российской Федерации
за период с 2012 по 2018 г.**

Отчетный период	Всего преступлений	Состояние (число зарегистрированных преступлений)	Динамика состояния за отчетный период (+/-, в %)
2012	Против личности	396 733	—
	из них: убийство и покушение на убийство	13 265	-7,3
	умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	37 091	-3,7
	изнасилование и покушение на изнасилование	4 486	-6,6
2013	Против личности	392 759	-1,0
	из них: убийство и покушение на убийство	12 361	-6,8
	умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	34 786	-6,2
	изнасилование и покушение на изнасилование	4 246	-5,3
2014	Против личности	393 009 (в том числе без КФО 391 763)	(в том числе без КФО -0,3)
	из них: убийство и покушение на убийство	11 933 (в том числе без КФО 11 813)	-4,4
	умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	32 899 (в том числе без КФО 32 686)	-6,0
	изнасилование и покушение на изнасилование	4 163 (в том числе без КФО 4 128)	-2,8
2015	Против личности	409 559 (в том числе без КФО 406 496)	+3,8
	из них: убийство и покушение на убийство	11 496 (в том числе без КФО 11 325)	-4,1
	умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	30 167 (в том числе без КФО 29 892)	-8,5
	изнасилование и покушение на изнасилование	3 936 (в том числе без КФО 3 863)	-6,4
2016	Против личности	347 322	-15,2
	из них: убийство и покушение на убийство	10 444	-9,2
	умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	27 442	-9,0
	изнасилование и покушение на изнасилование	3 893	-1,1
2017	Против личности	295 212	-15,0
	из них: убийство и покушение на убийство	9 738	-6,8
	умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	24 552	-10,5
	изнасилование и покушение на изнасилование	3 538	-9,1
2018 (январь — ноябрь)	Против личности	26 3822	-4,3
	из них: убийство и покушение на убийство	7 914	-12,6
	умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	21 609	-5,4
	изнасилование и покушение на изнасилование	3 099	-18,3

цированных людей и роботов, подключенных к искусственному интеллекту и т.д. Достижения науки и техники, с одной стороны, дают возможность создания современных информационно-телекоммуникационных устройств, систем и сетей с огромным потенциалом, а с другой — процесс их использования и совершенствования влечет за собой ряд опасных последствий, в том числе рост преступлений в сфере обращения информации.

Известно, что новые технологии создают условия для совершения и преступлений против собственности (в частности, краж с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, мошенничеств с использованием электронных средств платежа), экстремистской направленности (квалифицированных видов публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности и публичных призывов к осуществлению действий по нарушению территориальной целостности Российской Федерации, возбуждению ненависти либо вражды и унижению человеческого достоинства и т.д.) и террористического характера (публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, оправдания либо пропаганды терроризма и пр.). Это касается и фактов незаконного оборота через Интернет запрещенных предметов и материалов (ядовитых, радиоактивных, взрывчатых, наркотических, порнографических и пр.), а также использования новых технологий для организации деятельности организованных преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций), особенно имеющих транснациональный, международный масштаб распространения.

Традиционно использование высоких технологий принято связывать с корыстными по характеру преступлениями, когда виновные главным образом нацелены на получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Однако в настоящее время насильственные преступления, ранее традиционно совершаемые только путем непосредственного воздействия на потерпевшего, теперь, с развитием науки и техники, могут быть совершены дистанционно, то есть на расстоянии.

Применение информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, стало способом совершения целого ряда преступлений против личности, не только давно известных отечественному правоприменителю, но и относительно новых. К числу посягательств на права и свободы человека, ответственность

за которые усиливается в связи с этим, можно отнести:

- 1) доведение до самоубийства, совершенное в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ);
- 2) склонение к совершению самоубийства и содействие в совершении самоубийства, совершенные в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет (п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ);
- 3) организация деятельности, направленной на побуждение к суицидальному поведению, сопряженное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет (ч. 2 ст. 110.2 УК РФ);
- 4) вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, совершенное аналогичным способом (п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ);
- 5) незаконное распространение в информационно-телекоммуникационных сетях определенной информации о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего (ч. 3 ст. 137 УК РФ).

Кроме этого, новый способ совершения преступлений на практике встречается и при совершении иных преступлений, в составе которых не выделен соответствующий квалифицирующий признак, например при осуществлении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека (ст. 119 УК РФ), принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ), похищения человека путем обмана (ст. 126 УК РФ), клеветы (ст. 128.1 УК РФ), понуждения к действиям сексуального характера путем шантажа (ст. 133 УК РФ) и при интеллектуальном развращении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста (ст. 135 УК РФ).

Помимо факта внедрения IT-технологий в сферу криминального насилия, это свидетельствует также о том, что насильственная преступность становится качественно иной: более сложной по исполнению, технически оснащенной и более интеллектуальной. Наблюдается тенденция снижения проявлений грубой физической силы и распространения более «тонкого» — информационного — воздействия на потерпевшего. Физическое насилие уступает место психическому.

Об этом свидетельствуют также изменения уголовного законодательства — криминали-

зация новых посягательств на жизнь другого человека путем уговоров, предложений, подкупа, обмана и пр. (склонение к совершению самоубийства — ч. 1 ст. 110 УК РФ), предоставление советов, указаний и т.п. (содействие совершению самоубийства — ч. 2 ст. 110.1 УК РФ), распространение информации или призывов (организация соответствующей деятельности — ст. 110.2 УК РФ). Аналогичные способы закреплены в качестве альтернативно изложенного признака объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ. Учитывая ретроспективный характер уголовного права, очевидны существенные изменения социальной действительности. Как известно, законодатель не создает новую реальность, а лишь реагирует на уже имеющиеся социальные преобразования, стремясь адекватно оценить характер и степень их общественной опасности, устанавливая справедливое наказание в санкциях уголовно-правовых норм.

Меняется также социально-демографическая и нравственно-психологическая характеристика личности насильственного преступника: вместо криминологического портрета маргинала, испытывающего трудности в социальной адаптации, злоупотребляющего алкогольными напитками и пр., и совершающего преступления в основном по бытовым мотивам, взрывного, «гневливого» типа личности получается иная картина — продвинутый IT-пользователь, интеллектуально развитый, трезво мыслящий и эмоционально устойчивый.

Дистанционный способ совершения насильственных преступлений оказывается все более востребованным, поскольку он:

- а) психологически более комфортен (нажать на кнопку компьютера проще, чем наносить удары ножом, «вживую» столкнуться с обрыва и пр.);
- б) эффективен — минимум затрат приводит к максимальному результату: одним действием может быть причинен вред сразу неограниченному кругу лиц, как, например, при организации деятельности, направленной на побуждение к суицидальному поведению (ст. 110.2 УК РФ);
- в) оптимален, так как грамотное использование высоких технологий сводит к минимуму вероятность привлечения виновного к уголовной ответственности.

Следствием процессов компьютеризации, интеллектуализации, и по всей видимости, омоложения насильственной преступности яв-

ляется рост ее естественной латентности. Преступления, совершенные с использованием телекоммуникационных сетей в случае частных сообщений заведомо не могут быть выявлены на уровне участкового, соседей, родственников и пр., а при публичных действиях, например в виде кибербуллинга на страницах социальных сетей, даже потерпевшему трудно идентифицировать виновного, скрывающегося под чужим(и) именем(ами).

В современной философии одним из перспективных направлений исследования называется «киберология» как новая научная дисциплина, изучающая кибернетическую и цифровую революцию человечества, перехода на новый технологический уклад и связанные с этим процессы. Так, Т. П. Малькова, основываясь на фактах развития высоких технологий, констатирует эру массовой гибридации и киборгизации (симбиоза человека, техники и искусственного интеллекта). Она отмечает, что процессы, ставшие реальностью XXI в., с одной стороны, восхищают человечество, заставляют гордиться возможностями нашего интеллекта, с другой стороны, ставят актуальные задачи философского осмысления результатов прогресса, контроля над его протеканием, техническими и гуманитарными последствиями внедрения новых технологий. Поскольку формирующийся новый мир обостряет проблемы, связанные с безопасностью жизни человечества, то, пишет автор, необходимо начать разработку новой дисциплины — киберологии и определить с методологическими основаниями исследования.

Представляется, что не будет лишним такое направление и в юриспруденции. Как верно подмечено, наука должна отражать потребности времени, учитывать развитие и состояние научно-технического прогресса и, действительно, в настоящее время это не реализовано в достаточной мере. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости комплексного изучения новой преступности. Для разрешения вопросов ее описания, детерминации и предупреждения на общем и индивидуальном уровнях потребует разработка вытекающей из современной философии криминологической киберологии.

Представляется, что данное научное направление должно быть ориентировано на изучение киберпреступности как системы преступлений в сфере высоких технологий, анализ ее объективных, субъективных причин и условий развития, выявление особенностей личности

виновного (социально-демографических, нравственно-психологических и уголовно-правовых) и выработку на основе этого эффективных мер общесоциального и специально-криминологического предупреждения данного нового вида преступности.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Проблема насилия неиссякаема. Поскольку природа человека, заключающаяся в вечной борьбе «добра со злом», неизменна, постоянно и наличие предмета криминологического исследования — соответствующего преступного поведения. Атрофируются его прежние формы, происходит обновление, видоизменение, и, казалось бы, уже решенные онтологические вопросы вновь актуализируются.

2. Учитывая, что выявленные новые тенденции ранее не были свойственны насильственной преступности, накопленных знаний в области не может быть достаточно для иссле-

дования на общем и индивидуальном уровнях всех проявлений преступного насилия.

Поэтому перспективы решения как теоретических, так и практических задач по противодействию насильственной преступности, оснащенной IT-технологиями, видятся в интеграции знаний двух разных научных направлений: вайленсиологии, как уже устоявшейся отрасли по изучению феномена преступного насилия, и криминологической киберологии — новому научному направлению, вытекающему из современной философии.

3. В этом смысле можно согласиться с идеей о преимуществах интегративного подхода к определению методологии криминологических исследований. Как известно, междисциплинарный подход, осуществляемый на стыке разных областей научного знания, оказывается наиболее объемным для обеспечения доктрины новыми знаниями и более эффективным для решения практических задач борьбы с преступностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Антонян Ю. М.* Насильственная преступность в России. — М. : ИНИОН РАН, 2001. — 104 с. (Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом).
2. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики // Журнал российского права. — 2013. — № 8. — С. 55—65.
3. *Бегишев И. Р.* Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2017. — 30 с.
4. *Бочавер А. А., Хломов К. Д.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — Т. 11. — № 3. — С. 177—191.
5. *Буз С. И.* Понятие и основные криминологические характеристики насильственных преступлений в современной России // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2017. — № 3 (37). — С. 8—11.
6. *Буз С. И., Федченко В. В.* Состояние и основные тенденции насильственной преступности в России // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2016. — № 4 (34). — С. 8—12.
7. *Гилинский Я. И.* Социальное насилие : монография. — СПб. : Алеф-Пресс, 2013. — 185 с.
8. *Игнатов А. Н., Вишневецкий К. В., Кашкаров А. А.* Концептуальные основы, направления и меры противодействия криминальному насилию // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 2 (42). — С. 133—141.
9. *Исаев Н. А.* Вайленсиология как трансдисциплинарная область исследования // Известия Ингушского научно-исследовательского института им. Ч. Ахриева. — 2013. — № 2 (2). — С. 102—107.
10. *Комлев Ю. Ю.* Интегративная криминология как основа методологической триангуляции при изучении преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 1 (27). — С. 6—14.
11. *Комлев Ю. Ю.* Интегративная криминология: девиантологический очерк : учеб. пособие. — Казань : Центр инновационных технологий, 2016. — 248 с.
12. *Малькова Т. П.* Киборгизация: онтологические проблемы исследования // Исторические, политические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 3 (89). — С. 87—92.
13. Насильственная преступность / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. — М. : Спарк, 1997. — 139 с.
14. *Сердюк Л. В.* Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / под ред. заслуж. деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. С. П. Щербы. — М. : Юрлитинформ, 2002. — 384 с.

15. Тонконогов А. В., Стельмах А. П. «Киберология» как научная дисциплина // Социально-гуманитарные знания. — 2013. — № 1. — С. 85—96.
16. Чекунов И. Г. Киберпреступность: понятие и классификация // Российский следователь. — 2012. — № 2. — С. 37—44.
17. Чекунов И. Г. Понятие и отличительные особенности киберпреступности // Российский следователь. — 2014. — № 18. — С. 53—56.
18. Чекунов И. Г., Шумов Р. Н. Современное состояние киберпреступности в Российской Федерации // Российский следователь. — 2016. — № 10. — С. 44—47.
19. Шайхаттарова С. В. Россия и международные стандарты по борьбе с киберпреступностью // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2016. — № 4. — С. 26—29.
20. Шевко Н. Р., Исхаков И. И. Особенности проявления кибербуллинга в социальных сетях // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2017. — Т. 2 (3). — С. 19—22.

Материал поступил в редакцию 24 февраля 2019 г.

VIOLENT CRIME AND IT TECHNOLOGIES

ARTYUSHINA Olga Viktorovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (KYul of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
ovart2012@mail.ru
420108, Russia, Kazan, ul. Magistralnaya, d. 35

Abstract. *The article is devoted to the criminological study of quantitative and qualitative changes in criminal violence in modern Russia with due regard to the official statistical data collected by the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the period from 2012 to 2018 and modern processes in the social development. It examines the state and dynamics of crimes against the person including their most dangerous types (murders, intentional inflictions of serious harm to health, and rapes) as the basis of violent crime. The author determines the range of acts that can be committed using information and telecommunications networks, including the Internet, and evaluates the prospects for violent crimes committed by remote means. The paper proves that the related new trends of computerization, youthification, intellectualization and high level of natural latency, which were not previously characteristic of violent crime, can now be revealed. As the methodological basis of the research, the author relies on the fundamental laws of materialistic dialectics and the theory of cognition, general scientific philosophical approach to the study of social phenomena, logical, historical, system-structural and statistical, as well as concrete-sociological methods of research: document analysis and monitoring. In conclusion, the author substantiates the conclusion about inexhaustible relevance of the study of criminal violence caused by the non-ideal and contradictory nature of the man. The author considers as promising the development and application in legal science of the ideas of modern Russian philosophy concerning the need to analyze the results of progress, control over its course and consequences of introduction of high technologies. In order to solve the urgent theoretical and practical issues of combating “new” violent crime an integrative approach to definition of the methodology of criminological research that involves the development of existing problems at the intersection of the already established vilensology and the current implications of the philosophy of criminological cyberology.*

Keywords: *crimes against the person, information and telecommunication networks, Internet, remote commission of crimes, criminology, vilensology, criminological cyberology.*

REFERENCES

1. Antonyan Yu. M. Nasilstvennaya prestupnost v Rossii [Violent crime in Russia]. Moscow, INION RAS Publ., 2001. 104 p. (Topical issues of combating crime in Russia and abroad). (In Russian)
2. Babayev M. M., Pudovochkin Yu. E. Kriminologicheskoe myshlenie v kontekste intellektualnogo obespecheniya ugovnoy politiki [Criminological thinking in the context of intellectual support of criminal policy]. *Zhurnal Rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2013. No. 8. pp. 55—65. (In Russian).
3. Begishev I. P. Ponyatie i vidy prestupleniy v sfere obrashcheniya tsifrovoy informatsii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The concept and types of crimes in the sphere of digital information circulation: Abstract of the PhD Thesis]. Kazan, 2017. 30 p. (In Russian)

4. Bochaver A. A., Khlomov K. D. Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnologiy [Cyberbullying: Bulling in the space of modern technologies]. *Psikhologiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*. 2014, vol. 11, No. 3, pp. 177–191. (In Russian)
5. Buz S. I. Ponyatie i osnovnye kriminologicheskie kharakteristiki nasilstvennykh prestupleniy v sovremennoy rossii [The concept and basic criminological characteristics of violent crimes in modern Russia]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2017. No. 3 (37). pp. 8–11. (In Russian)
6. Buz S. I., Fedchenko V. C. Sostoyanie i osnovnye tendentsii nasilstvennoy prestupnosti v Rossii [The state and main tendencies of violent crime in Russia]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2016. No. 4 (34). pp. 8–12. (In Russian)
7. Gilinskiy Ya. I. Sotsialnoe nasilie : monografiya [Social violence: A monograph]. Alef-Press Publ., 2013. 185 p. (In Russian).
8. Ignatov A. N., Vishnevetskiy K. V., Kashkarov A. A. Kontseptualnye osnovy, napravleniya i mery protivodeystviya kriminalnomu nasiliyu [Conceptual foundations, directions and measures of counteraction to criminal violence]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii [Juridical Science and Jurisprudence: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2018. No. 2 (42). pp. 133–141. (In Russian).
9. Isaev N. A. Vayolensiologiya kak transdistsiplinarnaya oblast issledovaniya [Violensology as a transdisciplinary field of research]. *Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta im. Ch. Akhrieva*, 2013, No. 2 (2), pp. 102–107. (In Russian).
10. Komlev Yu. Yu. Integrativnaya kriminologiya kak osnova metodologicheskoy triangulyatsii pri izuchenii prestupnosti [Integrative criminology as the basis of methodological triangulation in the study of crime]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of Kazan Law Institute of the MIA of Russia]*. 2017. No. 1 (27). pp. 6–14. (In Russian)
10. Komlev Yu. Yu. Integrativnaya kriminologiya: deviantologicheskiy ocherk : ucheb. posobie [Integrative Criminology: A deviantological essay: A study aid]. Kazan, Center of innovative technologies Publ., 2016. 248 p. (In Russian)
12. Malkova T. P. Kiborgizatsiya: ontologicheskie problemy issledovaniya [Cyborgization: Ontological problems of research]. *Istoricheskie, politicheskie, filosofskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, political, philosophical and legal sciences, cultural studies and art studies. Questions of theory and practice]*. 2018. No. (89). — P. 87–92. (In Russian)
13. Nasilstvennaya prestupnost [Violent crime]. V. N. Kudryavtsev, A. V. Naumov (eds.). Moscow, Spark Publ., 1997. 139 p. (IN Russian)
14. Serdyuk L. V. Nasilie: kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie [Violence: criminological and criminal law research]. Ed. by Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Prof. C. P. Shcherba. Moscow, Yurlitinform Publ., 2002. 384 p. (In Russian)
15. Tonkonogov A. V., Stelmakh A. P. «Kiberologiya» kak nauchnaya distsiplina [“Cyberology” as a scientific discipline]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya [Socio-Humanitarian Knowledge]*. 2013. No. 1. pp. 85–96. (In Russian)
16. Chekunov I. G. Kiberprestupnost: ponyatie i klassifikatsiya [Cybercrime: The concept and classification]. *Rossiiskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2012. No. 2. pp. 37–44. (In Russian).
16. Chekunov I. G. ponyatie i otlichitelnye osobennosti kiberprestupnosti [The concept and distinctive features of cybercrime]. *Rossiiskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2014. No. 18. pp. 53–56. (In Russian).
18. Chekunov I. G., Shumov R. N. Sovremennoe sostoyanie kiberprestupnosti v Rossiyskoy Federatsii [Modern state of cybercrime in the Russian Federation]. *Rossiiskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2016. No. 10. pp. 44–47. (In Russian)
19. Shaikhattarova S. V. rossiya i mezhdunarodnye standarty po borbe s kiberprestupnostyu [Russia and international standards for combating cybercrime]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya [International criminal law and international justice]*. 2016, No. 4, pp. 26–29. (In Russian)
20. Shevko N. R., Iskhakov I. I. Osobennosti proyavleniya kiberbullinga v sotsialnykh setyakh [Features of cyberbullying in social networks]. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of Kazan Law Institute of the MIA of Russia]*. 2017, Vol. 2 (3), pp. 19–22. (In Russian)